

Уходящее эхо прошедшей войны

Капитану Лапшину Петру Максимовичу, сложившему голову на Курской дуге, и старшему лейтенанту Герою Советского Союза Хрусталеву Павлу Ивановичу, отдавшему жизнь за освобождение от немецко-фашистских захватчиков Лиепай и Советскому разведчику, белорусскому поэту Дмитрию Емельяновичу Астапенко посвящается эта не придуманная медицинская история.

Я, Спажетин Петр Васильевич, доктор медицинских наук, профессор, русский, 1932 года рождения. Отец – агроном, освобожденный секретарь партийной организации большого подмосковного совхоза – экспериментальной базы Академии сельскохозяйственных наук СССР.

Мать – врач сельской совхозной амбулатории.

Когда началась Великая Отечественная война, отцу, как ответственному партийному работнику, дали бронь. Но он, через обком партии бронь аннулировал и ушел добровольцем на фронт – защищать Советскую Родину от фашистов, которые рвались к Москве.

Отец погиб в 1942 году. Немцы пошли в атаку. С пистолетом в руке отец поднял бойцов в рукопашную. Атаку отбили. На теле отца было девять штыковых ран. Это означало, что он, смертельно раненый, до последнего вздоха был в строю впереди солдат. Потому что по всем военным и чисто медицинским канонам принявшего смерть и лежащего на земле воина во время боевой схватки, посмертно штыками не колят. Обо всем этом уже много после рассказал ординарец отца, приезжавший к маме чтобы передать ей его боевые ордена. Когда немцы подошли к Москве, нас с мамой отправили в эвакуацию в Мордовию.

Немцев от Москвы отбили и мы вернулись из эвакуации обратно в совхоз.

Пока нас не было, нашу квартиру занял новый секретарь партийной организации, сменивший отца на этом посту.

Он тоже имел бронь по каким то особым, в те времена тщательно скрываемым от простого народа, партийным обстоятельствам, в плоть до самого конца войны.

Народу объяснили, что он больной, но мама – то знала, что это не так.

Нас поселили в коммуналку, на 1 этаж двухэтажного совхозного дома инженерно – технических работников - дома ИТР.

Дали большую комнату с выходом в маленький, огороженный забором, дворик.

Во дворике можно было посадить картошку или капусту, но картошку мама не посадила, потому что к тому времени в совхозную школу – десятилетку, где занятия с началом эвакуации отменили, передислоцировали эвакогоспиталь, куда маму призвали служить врачом - хирургом.

А я был при ней, в госпитале. Потому что девать меня было некуда - в совхозных домах отключили электричество.

Люди жили при свечах и коптилках, а еду готовили на керосинках и примусах.

Начальник госпиталя – военврач – хирург Ипполит Михайлович Данилов разрешил маме держать меня при себе.

Мама лечила раненых, оперировала – делала отсроченные хирургические обработки ран, накладывала дренажи и хирургические повязки, и лечила послеоперационные нагноения и остеомиелиты.

Делать мне было нечего и я стал шляться по госпитальным палатам..

Выздоровливающие в палатах между уколами, процедурами и раздачей порошков и таблеток, развлекались кто как мог.

Когда начинали передавать сводки Совинформбюро – слушали радиотрансляцию. Играли в карты, травили байки, иногда даже кто-то для всей палаты приглушенно пел военные песни: « Вьется в тесной печурке огонь. На поленьях смола как слеза. И поет мне в землянке гармонь, про улыбку твою и глаза. Ты теперь далеко – далеко, между нами снега да снега. Мне дойти до тебя не легко, а до смерти четыре шага».

В одной из палат пехотный лейтенант с ампутированной рукой виртуозно играл на трофейной губной гармошке.

Когда-то бабушка, певунья и пересмешница, в порядке воспитания в ребенке музыкального вкуса, научила меня плясать «Барыню». Когда кроха под патефонную пластинку лихо отплясывал «Барыню», часто не попадая в такт, и еще больше веселя этим собравшихся гостей отцу и маме это очень нравилось. Отец даже пытался учить меня танцам, шутейно, на досуге, отплясывая вместе со мной «Барыню».

Раз, случайно слоняясь по коридору, я забрел в эту палату. Лейтенант заиграл на губной гармошке «Барыню» и ноги непроизвольно увлекли меня в пляс:

«А барыня угорела – много сахара поела.

Барыня,

бары – ня!

Сударыня ба-ры-ня!»! В палате стоял громогласный хохот.

Раненые, кто на чем мог: кто по грядушке койки, кто по прикроватной тумбочке, кто по эмалированному судну или утке, приставленным к кровати, кто костылем или ногой по полу, отбивали такт.

Когда я кончил плясать, морячок- старлей с негнущейся ногой подозвал меня к себе и дал мне ломоть хлеба, помазанный с верху свиным смальцем. Остальные раненые скинулись и дали мне четыре кусочка сахара.

На второй день госпитальная нянечка розыскала меня и отвела к тому старлею – Борису Григорьевичу.

До войны Борис Григорьевич закончил балетную школу, танцевал в балетной труппе и даже исполнял сольные партии. Теперь с балетом было покончено навсегда. И тут случайно подворачиваюсь я – занимательная и потешная забава, эмоциональный громоотвод и отрада для покалеченных войной солдат.

Борис Григорьевич стал учить меня хореографии. Сначала аккомпанировал на губной гармошке однорукий пехотный лейтенант.

Потом сестры привезли из другой палаты на самодельном двухколесном кресле старшину с баяном.

Раненые, кто как мог, помогали нам.

Заслышав музыку, ходячие из других палат приходили поглазеть и послушать.

Медсестры разгоняли их по своим палатам - нарушать госпитальный распорядок нельзя.

И сестры и раненые знали, что моя мама – госпитальный хирург. Из палаты меня никто не выгонял.

Хромой балерун, старлей Борис Григорьевич, через боль и немочь, выкладывался на занятиях и репетициях.

В скорости, чтобы не нарушать госпитальный режим, нам: Борису Григорьевичу, мне, лейтенанту с губной гармошкой и старшине с баяном подыскивали каптерку в подвале школы.

Ходячие раненые на руках перетаскивали туда коляску с баянистом. Старшина все пытался сам дойти, но не мог.

Борис Григорьевич был профессионал. Из него, если бы не война, вышел бы хороший балетмейстер.

В сжатый срок он сделал мне репертуар: русские народные сольные танцы, чечетку – стэп и произвольные пируэты на попури из народных мелодий.

Старшина все моментально схватывал, аранжировал и воспроизводил на баяне. Лейтенант, за ненадобностью, забросил свою губную гармошку и стал своеобразным импресарио. Составил график свободных от лечебных процедур часов, согласовал его с врачами и сестрами, и госпитальная танцевальная самодеятельность пошла.

Мы ходили по палатам, давали мини – концерты.

Раненые хорошо принимали и одаривали кто чем мог: кто перочинным ножом, кто куском сахара, кто финкой, кто куском трофейного туалетного мыла с незнакомым хорошим запахом, а старшие офицеры даже баснословной роскошью – трофейным шоколадом.

Как то, когда я танцевал перед бойцами «Цыганочку» с выходом, в палату вошел ведущий хирург, начальник госпиталя подполковник Данилов Ипполит Михайлович. Старшина резко оборвал мелодию.

Я остановился как вкопанный. «Отставить! Продолжайте, продолжайте. Я тоже посмотрю», - Ипполит Михайлович присел на краешек кровати одного из раненых, баянист взял аккорд, повторил выход. Я особенно четко и старательно отбивал танцевальные па. Немного запыхавшись, я остановился. Баян смолк. Как учил меня Борис Григорьевич, я церемонно поклонился раненым и Ипполиту Михайловичу.

Ипполит Михайлович молча поднялся с койки, подошел ко мне и без слов погладил меня по голове. Рука пахла йодом и хлороформом. Также молча пошел к двери палаты.. В дверях остановился, обернулся: «Продолжайте, продолжайте». И ушел.

Мама много дежурила по госпиталю. Дома почти не готовила – я все время жил в госпитале. Питался вместе с ходячими ранеными в госпитальной столовой, давал концерты и часто по ночам, как котенок, спал с кем-нибудь из раненых на одной койке.

Через почти что год эвакогоспиталь перевели ближе к победоносно продвигающемуся вперед фронту. Мама демобилизовалась. Стала снова работать врачом в совхозной амбулатории, а я пошел в ту самую школу, где раньше размещался госпиталь. Сразу в 4 класс. В совхозной амбулатории мама проработала не долго.

В городской больнице нашего райцентра были свободные ставки терапевта, и она перешла туда на постоянную работу.

Еще не забывшие отца районные партийные начальники помогли получить в городе, не далеко от больницы, комнату в коммунальной квартире – на меня и на маму.

Учиться я перешел из совхозной – в городскую среднюю школу. Победу над врагом мы с мамой встретили: она на дежурстве в больнице, а я с пацанами – сверстниками – в вихре безграничной радости, всеобщего ликования и веселья на переполненной людьми центральной городской площади.

После окончания школы-десятилетки сомнений куда дальше пойти учиться ни у меня ни у мамы не было никаких.

В медицинский институт, только на врача – хирурга.

В школе я учился хорошо, но особенно успешно образование мое проходило дома.

Мама очень заботилась о моем развитии и обучении.

Я всю ее жизнь был для нее единственным светом в окне, и она не жалела сил и средств, отказывая себе во всем, чтобы дать мне хорошее, по дореволюционным меркам, дворянско – интеллигентское воспитание.

Она по подписке собрала для меня домашнюю библиотеку русских классиков, покупала и доставала книжки известных зарубежных авторов.

У меня всегда были деньги на кино, московские театры, музеи и выставки. После гибели на фронте отца она всю свою жизнь оставалась ему верна и не выходила замуж.

Мама в зрелые годы была хороша собой: стройная, без лишнего веса, пропорционально сложенная, с правильными чертами лица и с большими, синими откровенными глазами. Была польских кровей, дворянского рода, что отец по ее рассказам, умело скрывал, выдавая ее за пролетарскую рабфаковку. Ему это блестяще удавалось, и он сделал хорошую довоенную партийную карьеру, оставаясь, за всем тем, убежденным коммунистом.

После войны (во время войны был госпиталь, и было не до того) за ней много ухаживали разные мужчины. Особенно запомнились мне два настойчивых ухажера: демобилизованный саперный майор, инженер-строитель Герчиков, и много моложе ее – художник Костенко.

Они часто приходили к нам в гости, а Костенко даже подарил маме четыре больших масляных полотна - жанровые картинки и пейзажи с пленэра. Правда, когда Костенко получил от мамы бесповоротный отказ он все свои картины забрал обратно. Хорошо теоретически подкованный и постоянно поддерживаемый и вдохновляемый мамой, я успешно сдал экзамены и поступил в Первый Московский ордена Ленина медицинский институт имени Сеченова. И плавно потекли студенческие годы. Все было: и напряженное прогрызание гранита науки, и прогулы лекций (практические занятия старались не пропускать), и походы в кино, на эстраду, на галерку во все театры Москвы, и набеги в рестораны, и поездки в составе студенческих отрядов на Хрущевскую целину: «Здравствуй, неизвестная планета! Здравствуй, незнакомая Страна! У студентов есть своя Планета. Это целина!» - пели мы хором, свято веря в то, что Хрущев совсем скоро приведет нас в коммунизм.

Были сладострастные походы «на хату» с грязными девками, но иногда и со студентками, готовыми забесплатно, за бутылку водки и скудную студенческую закуску провести с тобой в постели ночь. До сих пор странно и удивительно – почему тогда мне так везло.

Почему, в отличие от некоторых других моих сверстников, я ни разу не словил ни бледной спирохеты, ни гонококка, ни даже безобидной на их фоне трихомонады. Неисповедимы тропы человеческой жизни и судьбы.

Шесть лет обучения в мединституте пролетели как дым, как утренний туман. Наступил черед организованного распределения на самостоятельную работу врачом. За время учебы нам платили мизерную стипендию. За это мы должны были в обязательном порядке отработать три года. В том регионе нашей необъятной страны, куда нас направит распределительная комиссия.

В годы моей учебы в институте еще не было на слуху диссидентов. Мы не слышали и не знали, кто такой бывший фронтовик, отставной капитан Советской Армии Александр Исаевич Соложеницын или Академик, Герой Социалистического Труда физик, творец водородной бомбы Андрей Дмитриевич Сахаров.

Мы все верили в социализм, который народ кровью отвоевал у фашистской Германии и в коммунизм, который обещали нам партия и правительство. Но нас, молодых и здоровых юношей и девушек, проживших шесть лет студенческой жизни в столице, категорически не устраивала работа в российской глубинке, где ни тебе ни порядочного театра, ни тебе модного ресторана, ни тебе суперсовременной эстрады, ни тебе хорошего музея или стоящей библиотеки, ни тебе даже хорошей колбасы. Поэтому все стремились любыми правдами и неправдами зацепиться за Москву, лишь бы только не отрабатывать обязательку где то на периферии.

В год моего поступления в институт со мной вместе сдавали вступительные экзамены фронтовики, демобилизованные из армии, лет на пять – десять старше меня по возрасту. Когда нас, студентов мужского пола, в порядке обязательного военного обучения, отправляли в Гороховецкие военные лагеря, нам странно и удивительно было видеть, как в одном строю с нами шагают капитаны и майоры, которые только вчера для нас были Кольками, Славиками, Ваньками и Сашками. На первом курсе я не то чтобы сдружился, а просто приглянулся учившемуся в параллельной группе старшему лейтенанту- танкисту Славке Яковлеву. За шесть лет учебы мы со Славкой часто встречались на лекциях и на практических занятиях. Раз пять- десять – на студенческих вечеринках. Перебрасывались парой – тройкой фраз и расходились надолго. А взаимная симпатия оставалась.

Что - то за неделю до распределения встречаю его в вестибюле института. Так и так, говорю, боюсь на распределении ушлют к черту на рога, а хотелось бы в Москве остаться. Только вот как зацепиться не знаю. Весело рассмеялся Славка. Отвел меня в сторонку и говорит: «Никого не слушай. За Москву не цепляйся – дохлый номер. Все равно ничего не выйдет. Тут вон какой блат нужен, а ни у тебя ни у меня его нет. Хочешь остаться в Москве - просись на Камчатку. Тебе и прописку подмосковную сохранят, и площадь забронировать. А через два, три года вернешься и все. Работай хочешь в Подмосковье, хочешь- в Москве».

Я совета Славкиного послушался. На комиссии по распределению я один среди всех, кто жаждал распределиться в Москву, скандалил и сопротивлялся, спокойно и уверенно попросил отправить меня на Камчатку.

В комиссии все были приятно поражены. Стали приводить меня в пример другим как сознательного патриота, от которого, правда, никто этого не ждал.

Тут же выдали распределение на Камчатский полуостров в распоряжение Камчатского облздравотдела. Впопыхах даже забыли задать вопрос – а по какой врачебной специальности я бы хотел там, на Камчатке, работать. А мне и не надо было. Я твердо знал тогда, что главное в медицине – это не терапия, не неврология, дерматология или психиатрия, а только, и исключительно только, - хирургия. Так, попутно при этом, я получил первый наглядный урок – как надо ловчить и устраиваться в жизни при развитом социализме. С этим я через восемь суток езды на скором поезде до Владивостока, а от него, - морем до Петропавловска – камчатского, с огромным допотопным, военных лет, дермантиновым чемоданом, доверху упакованным мамой теплыми носильными вещами, мылом, спичками, - на всякий случай, и просоленным круто свиным салом, чтобы на первых порах в изгнании не голодать, прибыл в Камчатский облздрав. Там меня не ждали. О заявке на врача, которую в плановом порядке отправили в Минздрав год назад забыли, но молодому хирургу были очень рады и сразу направили меня на работу в один из самых больших рыбачьих поселков на берегу океана: «Уходят вдаль московских улиц ленты. С Москвою расстаются москвичи. Пускай сегодня мы еще студенты. А завтра – настоящие врачи», гимн студентов Первого МОЛМИ.

Главный врач поселковой больницы, куда направил меня облздрав, Геррцойг Иосиф Фейфелевич – камчадал со стажем переезда с большой земли на карьеру и заработка, тоже рад был моему приезду, хотя никак не ждал пополнения для отделения хирургии в текущем году.

Поэтому ни жилья мне заранее не приготовили, ни заведующего отделением хирургии о моём прибытии не уведомили. Зав перед скорой свадьбой с местным молодым окулистом (тоже с большой земли) отбыл в Петропавловск за некоторой мебелишкой для будущего семейного гнезда.

В Петропавловске со мной заведующий раз встретился, не ведая о моём приезде. Геррцойг был полон оптимизма: «Это всё сущие пустяки. Любой коренной камчадал за честь почтёт взять на постой не просто гостя из Москвы, а молодого пришлого хирурга. Что до питания (тоже житейский вопрос), то есть в посёлке хорошая столовая для рыбаков и служащих, где отменно готовят уху из свежехваченного гольца, котлеты из медвежатины или мясо кита, похожего, если его правильно приготовить, на говяжью тушёнку. А если захочется, то можно поставить на довольствие в больничной кухне. Больничный повар – кок, избородивший всю акваторию, будет готовить за символическую плату по накладной – отдельно от больничного питания, специально для нового молодого хирурга. А работать, пока не вернётся зав, придётся с тоже молодым хирургом из Львова, у которого в следующем году закончится срок отработки по распределению».

Так, ещё не приступив к работе на государство, я впервые столкнулся с неразберихой нашего здравоохранения – с одной стороны, и с искренним доброжелательством, гостеприимством и бесхитростным чистосердечием людей из глубинки – с другой.

В отделении меня уже давно, как только я переступил порог кабинета главврача, ждали: молодой коллега – хирург из Львова, старшая сестра, операционная сестра, сестра-хозяйка, палатная сестра и санитарка. Ради такого случая отложили даже плановую операцию, оставив подготовленную для неё операционную и скучающего в палате молодого моряка, капитана малого рыболовного сейнера, в ожидании.

В ординаторской, куда все собрались, состоялось короткое, но очень ёмкое знакомство:

«Так вы из Москвы?»

«Да».

«Что кончали?»

«Первый медицинский институт».

«Что, правда, Первый мед?»

«Да».

Немного поговорили о том, что надо бы и обмыть приезд. Собрать на стол – раз плюнуть. Да только больному уже более полутора часов назад провели премедикацию. Откладывать операцию на завтра вроде как бы неудобно – всё-таки хоть и малого рыболовного сейнера, но капитан.

«Конечно. О чём речь. А что у него?»

«Да аппендюк. Хронический. Скорее всего, cataralis – normalis. Сейчас установка – все отростки стричь, пока не нагноились».

«Хочешь – помойся, а я тебе поассистирую, заодно покажу операционную», – коллега дружелюбно и вопросительно смотрел на меня.

«Идёт».

Так необычно начался мой первый в жизни рабочий день.

Из обычного, по Волковичу-Дьяконову, разреза я за обычные сорок пять минут сделал несложную аппендэктомию под местной анестезией.

Потом в ординаторской мы все вместе это и обмыли разбавленным 96-градусным медицинским спиртом, с необильной, оставшейся от обеда больных, закуской, одобренной задушевым разговором.

На этом и закончился мой первый в жизни рабочий день врача-хирурга.

(«В медицину вы открыли двери нам, пухлые учебников тома. Встретят нас с любовью и доверием клиники, больницы, роддома» – гимн студентов Первого московского ордена Ленина медицинского института.)

А потом были ещё 996 дней и ночей интересной работы и жизни. Освоения навыков хирургического рукоделия и по крупицам набора практических знаний и клинического опыта.

И параллельно с этим – знакомства с такими же, как я, молодыми специалистами, уже работающими в посёлке, общение и дружба с новыми и интересными людьми, чефирь со спиртом из свободной магазинной продажи, который я плохо переносил с самых юных лет, разговоры по душам, рыбалка и охота на медведя в тундровых зарослях приречного шеломайника.

Из культурных развлечений – кино в поселковом клубе, когда морем доставят с большой земли уже устаревшие к этому времени кинофильмы, да прослушивание по коротковолновнику японских радиостанций со щемящей душу аранжировкой европейской эстрадной музыки и американского джаза.

И разговоры, разговоры, откровенные, вечерние и ночные беседы «под градусом» – о жизни, о работе, о политике, о чём пишут газеты. С гитарными переборами под спевки из молодёжной лирики, стихи, в основном неизвестных молодых поэтов, и, конечно же, анекдоты и смешные и острые байки вроде: «Все врачи делятся на четыре категории:

«А». Старые, опытные врачи.

«Б». Врачи, сами понимаете, – женщины.

«В». Эх! Да что вообще о них скажешь. Одним словом, военные врачи.

И «Г». Молодые специалисты».

В сугубо мужской компании в моде были стишата типа:

«Ты мне не родная. Не родная – нет! Мне теперь другая делает сонет, приобщая к поэзии. А ещё другая – в рот меня гребёт – язык изо рта выгребает. Кто из вас родная – буй, чтобы не запутаться в фарватере реки, вас разберёт. Не приходишь ночью, не приходишь днём. Думаешь, мы строчим на швейной машинке? Нет! Мы других гребём за руки».

Я всегда, всю свою жизнь, буду помнить неувядаемую романтику камчатской тундры, гейзеров, вулканов и простых, добрых, отзывчивых и бесхитростных людей с Камчатского полуострова.

Звание москвича на Камчатке котирировалось на всех уровнях жизни.

Заведующий хирургическим отделением поселковой больницы, не намного старше меня по возрасту, искренне считал, что если я кончил столичный ВУЗ, то это значит, что я добротнo подготовленный для самостоятельной работы специалист.

Ко времени возвращения его из Петропавловска я уже успел самостоятельно сделать две аппендэктомии, одну пластику кривой паховой грыжи и наложить одно скелетное вытяжение при переломе костей голени.

Это окончательно убедило его в том, что я могу выполнять любую хирургическую работу в посёлке. Это для него было как нельзя кстати. Женитьба и устройство семейного гнезда целиком замыкало его на своих личных проблемах, и он был рад переложить груз повседневной хирургической текучки на наши с львовским хирургом плечи.

Тем более, что я постоянно докладывал ему о всех нюансах моей хирургической деятельности, подчёркивая тем самым его профессиональное и служебное превосходство.

Коллега-хирург подобными докладами пренебрегал, текучкой достаточно однообразной хирургической практики в далеко отстоящем от областного центра посёлке тяготился и всегда рад был, когда я брался за все без разбора операции.

Если говорить честно, то самостоятельно оперировать мне было даже не просто тяжело, но и не положено по всем канонам врачебной практики. Это только на периферии считали, что нас добротнo подготовили в Москве для самостоятельной работы. На самом деле это было совсем не так. В Кунцевской больнице, в которой я проходил хирургическую практику, прикреплённый ко мне хирург Исмаил Хусаинович Хабриев, которому за мою практику платили смехотворно малые деньги, тяготился мной, изредка давал поассистировать на несложных операциях и был очень доволен, когда я по студенческой традиции прогуливал практику и не путался у него под ногами.

Кроме того, на Камчатке книг по хирургии и атласов анатомии у меня лично не было, а просить их у коллег я стеснялся, опасаясь, что они начнут сомневаться в моей профессиональной компетентности. Поэтому я стал учиться хирургии на ходу, как говорится, не отходя от операционного стола. Главным учителем моим была операционная сестра – пожилая разведёнка, брошенная мужем, перебравшимся на материк к другой женщине.

Пониманием и заботой о моём хирургическом авторитете она мне напоминала маму. Под её руководством я самостоятельно сделал первую в своей жизни холецистэктомию. Я жадно поглощал крохи хирургического умения, когда мне приходилось ассистировать заву.

По прошествии лет я вспомнил, что врачебная присяга не давала мне на Камчатке права рисковать человеческими жизнями и здоровьем, а ходячая врачебная заповедь «не навреди» только успокаивала меня, потому что хирургических осложнений у меня на Камчатке не было.

За 996 дней работы на Камчатском полуострове я здорово натренировался и набил свою хирургическую руку.

Но кроме этой хирургической учёбы и практики на Камчатке у меня случались совершенно непредсказуемые интеллектуальные контакты с интереснейшими людьми – доморощенными философами по жизни, правдолюбцами и ушедшими в подполье правдоискателями. Я перенял от них способность молчаливо, без эмоций и активных протестов, наблюдать со стороны, критически анализировать и принимать взвешенные решения в любой неординарной жизненной ситуации. Они впервые открыли мне глаза на то, что всё, чему учили нас наши идейные вожди во главе с дорогим и любимым Никитой Сергеевичем Хрущёвым, генерал-лейтенантом Сталинской Армии, подсидевшим своего генералиссимуса и посмертно, когда это стало безопасным, заочно опозорившим на весь мир его имя, – всё это на самом деле далеко не так. Что экономическое положение Советской страны под хрущёвским руководством, несмотря на бесспорные космические успехи и вооружённое устрашение стран социалистического блока и капиталистического мира, неизбежно приведёт Никиту к личному краху. А, может быть, если не найдётся нового мессии с твёрдой Сталинской волей, то и к краху всего социалистического строя.

Я тогда пропускал мимо ушей эту холодящую душу философию. Успехи хрущёвской оттепели и то, что несли в массы хрущёвские пропагандисты, казалось мне незыблемой основой всей нашей и моей, в частности, жизни и работы. А разные хрущёвские глупости вроде кукурузных новаций и ботинком по трибуне Ассамблеи отстукивания Советской социалистической правды казалось мне мимолётным заблуждением и лёгкой беззубой и беззлобной шуткой.

(«Зато мы делаем ракеты! И перекрыли Енисей. А также в области балета мы впереди Планеты всей».)

В больнице жизнь столкнула меня с местным люмпен-пролетарием – истопником котельной алкоголиком Димой. Говорили, что в войну Дима был танкистом, имел звание подполковника и ряд правительственных наград за боевые подвиги. Но после демобилизации из Армии в мирной жизни места себе не нашёл, опустился, стал пить и сделался тунеядцем. На Камчатку Дима перебрался, спасаясь от милиции и общественности, которые его в конце достали обещаниями навесить ему за пьянство и тунеядство тюремный срок. Диму доставили в больницу с желудочным кровотечением, и я ушил ему прободную язву желудка. Оклемавшись, Дима веселил больных шутками и прибаутками, пел хулиганские частушки и на чём свет стоит (терять ему всё равно было нечего) ругал Хрущёва и превозносил Сталина и Жукова за их военные победы.

Чем-то в своём больничном статусе он напоминал мне меня самого в моём военном детстве в эвакогоспитале под Москвой.

Особо запомнились мне две его фронтовые прибаутки: «Много раз ты ранен, много раз контужен, а теперь ты просто никому не нужен». И – «Кате за езду (катайся, Катя, вместе с молодыми лейтенантами на «виллисе») – Красную Звезду. Ване за атаку – дуй в драку. (Беги быстрее, Ваня, – драться и воевать с фашистами.)».